Геша мешал сахар, задевая ложкой стенки кружки. Он то увеличивал скорость, то уменьшал. Звук от этого становился то дребезжащим, то протяжным, словно церковный колокол. Дуня ждала, когда ему надоест. Брат иногда так зависал – зацикливался на чём-то, делал то медленно, то быстро, раскладывал в голове по полочкам порядок действий, а потом претворял в жизнь. После отвисал и начинал вести себя как нормальный ребёнок.

Относительно нормальный, с несколькими оговорками.

– Ой, Геша, совсем большой! В школу пойдёшь осенью, да? – причитала бабушка елейным голосом.

Она в этот раз непривычно оживилась перед внуком. Иногда на неё находили такие приступы, когда она забывала всё на свете и носилась только с одним. Например, с Гешей, частично игнорируя существование Дуни в этой же комнате.

– Угу, – пробормотал мальчик.

Он решил выводить восьмёрку, отчего звон стал ещё невыносимей.

– Хватит, а, Геш, – взмолилась наконец Дуня, закрыв глаза. – И так бесит, а ты никак не заткнёшься.

– Дуня! – одёрнула бабушка.

Она обвиняюще уставилась на внучку. Дуня раздражённо вздохнула.

– А что? Он стучит этой ложкой уже минут пять! Сахар там давно размешался и растворился! – сказала она упрямо.

– Ой, ну пусть играет, ему же нравится. Тебе-то что? – бабушка покачала головой.

Дуня промолчала про головную боль от монотонного звона. Бабушка не верила в болезни Дуни, списывала на молодость, недосып и гаджеты. Зато если чихал Геша, то поднимала всех на районе.

– Возьми конфетку, Евгеша, – бабушка вернулась к привычному тону для общения с внуком.

Геша отвлёкся. Замер с ложкой в руках и посмотрел внимательно на бабушку, а потом кивнул. Та достала из шкафа коробку, в которую складывала покупные конфеты, и поставила на середину стола, чтобы каждый из детей мог взять себе то, что понравится. Дуня немного отвлеклась и начала придирчиво изучать содержание коробки. Бабушка знала, как трудно угодить внучке, и всегда старалась купить что-то её любимое. В этот раз не повезло – ничего не было. Геша тоже внимательно изучал конфеты. Он всегда долго выбирал вещи. К тому же трудно было сказать, что ему действительно нравится, а что он берёт из-за неведомого эксперимента.

– Ну, выбирай давай, а не смотри просто так, – добродушно улыбнулась бабушка и подвинула коробку поближе к внуку.

– Ба, я так-то...

– Вот такая нравится?

Бабушка выудила конфету откуда-то со дна. Дуня тут же поняла, что это, кажется, последняя конфета из её любимых.

– Ба, это же...

– Держи её!

Геша послушно принял конфету из рук бабушки, развернул, повертел в руках и съел. На пальцах остался чуть подтаявший шоколад.

– Может, долить чаю? – уточнила бабушка, потрепав внука по голове.

Дуня вздохнула и откинулась на спинку кресла. Её кружка уже стояла пустая. Чаю больше не хотелось.

Домой они возвращались привычными дворами. Шли по потрескавшимся старым асфальтным дорожкам: сквозь трещинки пробивалась упорная трава, а бордюры были стёрты и втоптаны в землю. Потом сворачивали для краткости пути на тропинку между клумбами, прямо мимо старых турников и «радуг», огибая наполовину вкопанные цветные разрисованные шины.

Геша любил этот путь. Рукой в воздухе повторял направление трещинок на асфальте, считал своим долгом пройтись по каждой шине, с благоговением смотрел на «радугу» с облезшей краской и старался дотянуться хотя бы до самой низкой перекладины на турниках. Дуня держала его за руку, не давая упасть, или приподнимала, чтоб он мог ухватиться маленькими пальчиками.

Они представляли себе вместо обычного пути из дома эпический маршрут с драконами, монстрами и коварными ведьмами.

Сегодня Геша был немного тише обычного и только иногда отвлекался на причудливые узоры трещинок и проросшие сквозь них одуванчики.

– А у тебя день рождения? – спросил он, обходя люк.

– Да, – сказала Дуня безучастно.

– А сколько тебе будет лет? – спросил Геша.

– Ты знаешь, – ответила сестра, взяв его за руку. – Четырнадцать.

– А мне сколько будет в августе? – спросил Геша с улыбкой.

Это выдавало его целиком – он прекрасно знал, сколько ему будет, но по какой-то причине хотел услышать это от сестры.

– Семь, – вздохнула Дуня. – Я на семь лет тебя старше. Семь лет назад пошла в школу. А ты пойдёшь в этом.

Геша просиял от радости. Ему нравилось всё – и число «семь», и эта их необычная разница, которая в этом году стала особенно магической, и предчувствие школы.

Дуня поморщилась. Она не помнила свой первый год в школе – только вечные пелёнки, больницу, плач и крики, доктора на дому, бледную мать и стремительно стареющего на глазах отца. Помнила Гешу – маленького, орущего, мерзкого и отвратительного ночью, но ангела днём. Вечные поездки на лифте туда-сюда.

В некоторые дни Дуня обожала брата, целовала маленькие ножки, хихикала, щекотала маленького тёплого человечка и заманчиво трясла очередной игрушкой.

В другие дни она его искренне ненавидела – её температура, её ушибы и шишки, её достижения, её слёзы, её радость – всё было несущественно, потому что в маленькой кроватке вопил новый житель их квартиры. Тот самый кулёчек, который с порога закричал и заставил родителей забыть о первом в жизни незамысловатом обеде и добросовестной уборке от дочери. Это не имело значения, потому что теперь важен был лишь Геша.

– А тебе в школе нравится? – спросил Геша у самого дома.

Дуня пожала плечами. Она не знала, что рассказать. Ей нравилось сидеть рядом с Сашкой, смеяться на уроке в кулачок, пока учитель не видит, бегать наперегонки с мальчиками, подглядывать за красавчиком из девятого «Г», откусывать ещё теплую булочку в столовой во время большой перемены. Но абсолютно не нравилось, как все смеются над её старым телефоном, как учитель химии унижает её перед всеми ребятами, как её отчитывают за помятую форму, которую мать не успевает погладить, как в некоторые дни она голодным взглядом смотрит в столовой на сосиску в тесте, щупая нутро пустых карманов. Что ей сказать про школу?

– Ну, там норм, – сказала Дуня, открывая подъездную дверь. – Забегай давай.

Она улыбнулась, провожая взглядом Гешу. Тот изобразил бегуна в замедленной съёмке и, конечно, чуть не споткнулся о порог.

Дуня поднималась, вслушиваясь в топот ног на этаж выше. Это Геша бежал до их квартиры, стремительно опережая сестру. Сверкающие пятки новых сандалий, небольшие синяки на бледной тонкой коже ног, новые шорты, заправленная футболка. Дуня с любовью смотрела за этим маленьким чудесным существом, которое прыгало на двух последних ступенях туда-сюда в нервном ожидании. Щербинка между зубами, светлые волосы и блеск в глазах. Он ждал её – именно её – не убегая вперёд и не оставляя в ужасно пахнущем подъезде.

Он всегда прибегал первым, но терпеливо ждал сестру. Негласный ритуал никогда не нарушали. Они должны были зайти в квартиру одновременно.

Дуня открыла дверь ключом, а после они оба завалились в узкий коридор, заговорщицки улыбаясь. Никто не понимал, почему им так это важно. Даже они сами.

– Довольные такие, – сказал мать, вытирая руки о старый, выцветший, заляпанный фартук.

На кухне что-то готовилось. Геша закрыл глаза и начал принюхиваться, но Дуня его щипнула за бок.

– Обувь расстёгивай.

Геша ненавидел шнурки, и его спасали липучка или замки. Но разувался он всё равно невероятно медленно. Дуня следила за всем процессом, чтобы подгонять братца.

– Дуня, – мать чуть напряглась, выдохнула и поджала губы.

Девочка подняла взгляд на неё, чуть улыбаясь. Геша что-то смешное бормотал при расстёгивании замочков.

– По поводу дня рождения, – руки опять начали касаться фартука, будто их срочно надо было вытереть.

– А что по поводу него? – спросила Дуня.

Геша начал напевать какую-то песенку из детского мультика и покачиваться, мягко врезаясь в ноги сестры и делая вид, что вот-вот упадёт на неё совсем. Дуня старалась его немного отвести рукой. Ей не нравилось то, что начала говорить мать – слишком беспокойно, неловко и тихо. Так она говорит только тогда, когда надо сказать что-то плохое.

Или не плохое, но разбивающее сердце Дуни.

Именно так она сказала, что беременна, а Дуня в тот роковой момент подумала о том, можно ли толкнуть маму в живот так сильно, чтобы оттуда

никто не вылезал? Секундная страшная мысль, пугающая до сих пор. Как ребёнок мог такое подумать? А главное – почему? Но Дуня хотела собаку или кошку, а не брата.

– Мы не сможем подарить тебе тот телефон, который ты хотела, – сказала мать, неловко пожав плечами. – Евгешу надо готовить в школу, а это очень много затрат, и мы...

– Забыли про первого ребёнка? – вырвалось у Дуни.

Геша так и застыл с одним расстёгнутым ботиночком, переводя взгляд с мамы на Дуню и обратно. Он аккуратно зацепился рукой за футболку сестры, будто хотел одёрнуть или пытался удержать.

– Нет, мы... – мама убрала волосы от лица, вновь пожав плечами. – На Новый год мы обязательно...

– Подарите мне очередную фигню? Да типа алло! Вы ж за полгода всё забудете!

Мама сжала руками ткань фартука, покачав головой.

– Дуня.

Её голос стал твёрже и чуть громче. Геша аккуратно подёргал за футболку, но Дуня этого не заметила.

– Может, стоило сразу это предвидеть? – продолжила она. – Или вы не знали, что детей в семь лет отдают в школу? В прошлый раз не заметили?

Мать чуть отпрянула. В тусклом свете коридора казалось, что она даже немного испугалась.

– Дуня, послушай...

– Что? – девочка постаралась убрать руку брата, но он неожиданно сильно вцепился в ткань футболки. – Что послушать? Как вы не додумались отложить денег? Сказать заранее? Или не додумались, что два ребёнка – это дорого?

Дуня тяжело дышала, смотря прямо на мать. Лицо той стало каменным, похожим на маску, но девочка видела, что она зла. Гнев чувствовался в её зажатых кулаках, прямой спине, тёмном взгляде.

– Не смей так говорить.

– Посмею! – вырвалось у Дуни неожиданно громко. – Посмею говорить всё, что мне захочется! Вам всё равно плевать на меня, вы носитесь только с этим мелким, у которого что-то не то с головой! А на дочь вам плевать! Вы даже про подарок на её дэрэ не помните!

Геша всё ещё не отцепился от сестры, но теперь смотрел как-то затравленно-виновато. Он не плакал, но нижняя губа опасно подрагивала. Мать же, наоборот, будто была спокойной версией Дуни – злилась до невозможности, но молчала.

– Дуня.

Девочка шмыгнула носом и выскочила, хлопнув дверью. Ей было всё равно, что Геша мог по инерции, всё ещё держась за футболку, потянуться за ней и упасть, стукнуться, врезаться прямо в резко закрывающуюся железную дверь.

На секунду, правда, она всё же представила, как он плачет спустя пару мгновений, когда придёт полное осознание боли. Сердце жалобно сжалось, но внутри что-то клокотало от злости на этого мелкого, на родителей и на бабушку.

Все будто сговорились со дня его рождения. Обожали его, лелеяли, носились с каждым шмыгом, чихом и кашлем. Причитали, что Дуня обладала в его возрасте богатырским здоровьем. Но всегда говорили с какой-то опаской, будто это знак.

Дуня ничего не понимала – пыталась влезть в суету, царящую вокруг, но всегда чувствовала себя лишней деталью. Не подходила краями, не вставала ровно: то слишком узко, то слишком свободно.

Она знала – проблема в этом маленьком уродливом существе, орущем по ночам, с очередной болячкой. Потом он подрос, стал симпатичным белокурым малышом, но болел так же часто.

Дуня любила его, возилась с ним, забыв про все свои куклы. Но он был живым, непредсказуемым, к тому же оказался не её личной куклой, которую можно спрятать в ящик вечером и убежать к родителям в тёплые объятия. Теперь родители будто её задвигали в тёмное пространство и уходили с Гешей в свой, особый мир.

Все подружки радовались Геше, потому что он был не таким, как их собственные братья и сёстры: более милым, спокойным, делал какие-то причудливые вещи, не бесил и не капризничал. Дуня думала, что с братом просто что-то не так. У него правда были проблемы с реакцией, но он рано научился говорить и даже немного читать и считать, обожал головоломки и решал их быстро и нестандартно.

С ним было что-то не так, и это каким-то образом понимали все. Мать с отцом перешёптывались, бабушка чересчур сюсюкалась, а Дуня лишь пыталась понять, что же с ним такое.

Дуня шла по привычным дворам, перешагивая трещинки, и думала, что нормальный мальчик возраста Геши не такой. Более громкий, бешеный, неуправляемый, более... Нормальный. А Геша считает трещинки, изучает их вплоть до миллиметра, видит в них определённый рисунок, а потом танцует вокруг них какие-то магические танцы.

Это вечно невысказанное «не так» будто ставило клеймо на Дуне. С ней-то всё так. С ней не надо высиживать минимум раз в месяц очередь в поликлинику, часто садиться на больничный, выискивать новые интересные задания, читать что-то. С ней проще – вот она громкая, бешеная, неуправляемая. Нормальная.

Мама как-то сказала, что Дуня справится как-нибудь сама, а Геше нужна забота.

Дуня тогда сжалась в клубочек за дверью и закрыла глаза так сильно, пока всё под веками не покраснело от усилия и не ослепило её. А ночью смотрела в потолок и думала об этих словах и о том, что было бы, если бы она вышла из-за двери. Мать бы извинилась? Устыдилась бы?

Что бы тогда было?

Дуня шла и думала, что действительно о себе позаботится сама. Она нормальная. А Геша – нет.

Геша был похож на какого-то ласкового кота. Постоянно лез обниматься, обожал целоваться, подлезал в осенние холодные утра под тёплое одеяло, сворачиваясь клубочком прямо у плеча. И постоянно к Дуне, а не к родителям. Любил её до одури и показывал это так, будто она его приютила и спасла от голодной смерти.

Девочка неожиданно остановилась у шумной трассы. За спиной – привычные дворы, дома и улицы. Там можно кругами ходить по небольшому району, не возвращаясь домой ещё пару часов. Впереди, через дорогу, лес. Высокие тёмные сосны, погнутые у края дороги берёзки и мелькающие где-то в тёмной глубине тропинки ели. Невиданная тишина, отсутствие криков и призрачная надежда потеряться навсегда.

Лишь бы только не домой. Лишь бы не видеть грустное лицо Геши, его жалобные глаза, не чувствовать его утешающие объятия.

Прости, сестра, что я есть и порчу твою жизнь с первой секунды своей.

Дуня бесстрашно перебежала дорогу. Свист машин остался позади. Девочка свернула с привычной тропинки налево, уходя вглубь леса. Ей не хотелось домой. Она не знала, что страшнее – жалость брата или противное чувство внутри – прожигающей зависти и щенячьей любви одновременно.

Когда принесли свёрток и Дуня увидела любопытные серые глаза брата, то ей захотелось расцеловать это маленькое создание от радости. Она помнила, как гладила живот матери, ложилась ухом и слышала какое-то нечто, толкуя каждый звук как речь ещё не рождённого брата.

Дуня помнила, как обнимала его – горячего, температурящего, а мать в слезах, с дрожащими руками, звонила в поликлинику. И сама Дуня тоже плакала, не понимая, как такой маленький хрупкий человечек может так страдать.

Если Дуня сейчас увидит брата, то расплачется от собственной дурости, злости и ненависти. А ей хотелось злиться.

Она имела полное право злиться. За отсутствующий первый класс, за проигнорированные грамоты, за пропущенные родителями собрания, которые ей припоминали на следующий день так, будто это она виновата.

За собственные болезни, когда она плакала от горячей тяжёлой головы, и никто не приходил к ней.

За конфету, которую бабушка без спросу отдала брату.

За телефон, который Дуня грезила поменять на более новый и современный, чтобы не слушать идиотских шуток одноклассников про бедность.

Она имела право злиться.

И она злилась.

Тропинка сужалась, терялась, непротоптанная, в траве, петляла и вела в самые заросли папоротника, а дальше – в тот участок леса, где деревья росли так близко друг к другу, что солнечные лучи почти не проникали сюда. Казалось, это было тёмное царство, мрачная чаща где-то вдали от реки, дороги и привычных мест.

Ветер завывал всё громче, а небо стремительно темнело. Ещё пару шагов, думала Дуня, и я окажусь в полной мгле среди этих деревьев. Ей казалось, что в глубине этого странного места мелькают неясные тени, но из-за близко стоящих стволов разглядеть их было нельзя. И Дуня просто шла и шла, шмыгая носом и не обращая внимания на слёзы.

Она пыталась представить, как будет выглядеть это место ночью. Щупала стволы молодых сосен, переступала через редкие пеньки, раздвигала аккуратно траву и листы папоротника, боясь наступить в муравейник. Тропинка давно исчезла. Так далеко Дуня не заходила.

Она шагала всё дальше и думала о том, как бы отреагировал на это место Геша. Как бы он шёл, оглядывался вокруг, дивился полутьме средь бела дня, переплетающимся веткам слишком близко стоящих деревьев.

И Дуня шла и думала о том, как привести сюда брата, показать ему это место

и увести прямо в самую темень дать ветвям сойтись за их спинами и навсегда поглотить в этом непроходимом бору

и послушать его очередные выдумки про ведьм и говорящие деревья,

оставить навсегда под вечными хмурыми тучами и меж колючих иголок цепляющихся за одежду а в случае побега впивающихся в глаза

которыми брат бредил с момента просмотра второй части «Властелина колец».

приведи его прямо сюда завтра приведи дай его поглотить забрать себе отдай его этому месту

Дуня замерла, оглядываясь по сторонам. Сердце бешено колотилось в груди. Ветер вроде прекратился, но слышался то далёкий треск, то шелест вокруг, который казался шёпотом, и даже иногда угадывались слова.

прямо сюда где стоишь он не выберется сам ты ведь знаешь он не вернётся назад он заблудится и потеряется навсегда оставь его нам здесь

По спине пробежал холодок. Дуня обернулась, пытаясь понять, действительно ли кто-то есть рядом, или движение, уловленное краем глаза, – плод воображения.

завтра сюда завтра сюда завтра сюда завтра сюда

приведи
приведи
приведи

Дуня вздрогнула, закрыла глаза и покачала головой. Шёпот стихал. Постепенно вокруг воцарилась тишина. Воздух казался разряжённым и душным. Дышать становилось тяжело.

– Завтра сюда, – пробормотала Дуня.

Если не будет брата, то к ней подойдут ночью, в разгар температуры, дадут конфету, купят телефон, обнимут, примут, похвалят. Если не будет брата, то она будет любимой, единственной, важной.

Если не будет брата, то будет она. Наконец-то будет *она*.

Дуня не помнила, как пришла домой. Её мутило всю дорогу, трава под ногами казалась сплетённым бесконечным полотном, пока не появилась старая тропинка с выглядывающими из-под земли гладкими камнями и толстыми кореньями. Именно она, наконец, вывела на большую привычную тропу с мусором по краям. А там – свист машин и звук капель дождя, падающих на асфальт.

Дуню бросало то в жар, то в холод, желудок сворачивался от боли, что-то жгло в гортани, раскалывалась голова. Её шатало, и казалось, вот-вот вывернет наизнанку. Не останется ни подгоревшего куска омлета, ни приторно-сладкого чая бабушки. Образуется какая-то зияющая дыра посреди тела, и будет долгожданное облегчение.

Но её не рвало. Она просто шла упрямо домой, стараясь не сбиться с пути. Смотрела на трещинки, на траву, слышала отдалённые голоса людей и смех детей, но не поворачивала голову.

Дома отказалась от ужина и заперлась в ду́ше. Мать с ней всё равно не разговаривала – уже не от злости, а от обиды и одновременно от стыда. Отец слишком устал, чтобы обращать внимание на что-то. Когда она вышла, то Геша обеспокоенно старался ухватить за руку, обнять, как-то прикоснуться и что-то сделать, но сестра его не замечала.

Под струями воды становилось будто бы легче, но сразу после захотелось спать. Дуня завалилась с мокрой головой на кровать, закуталась в одеяло и закрыла глаза. Так начало ещё больше крутить, все звуки будто пропустили через противный фильтр.

Постепенно она уснула, но во сне будто снова оказалась в том экскурсионном автобусе, в пятом классе, где её мутило все два часа поездки. А вместо весеннего пейзажа за окнами был смеющийся Геша, который причудливо танцевал рядом с разрисованной шиной. Сзади стояли соседки, но не было слышно их умильных разговоров. Только шёпот:

приведи его к нам завтра приведи прямо в темень приведи сквозь цепкие ветки и отдай нам его отдай навсегда

Вся ночь показалась кратким мигом, мгновением между тем, как Дуня укрылась одеялом, и тем, как звуки с кухни проникли в её голову за секунду до пробуждения. Шум воды, противные мультяшные голоса из телевизора, уставший свист чайника, стук тарелок, скрип старого кухонного гарнитура... Дуне не надо было находиться на кухне, чтобы различить каждый из этих звуков. Они въелись под кожу и стали её частью, как и она, должно быть, их.

Но сейчас она ощущала себя до странного пустой и полой. Словно пластмассовая дешёвая кукла с рынка, внутри которой шумят надоедливые мелкие шарики, перекатываются туда-сюда из-за смены положения и невероятно бесят.

Дуня вошла в кухню, когда манка уже стояла на столе, а рядом – открытая банка варенья. Геша уже начал размешивать кашу так, чтобы вышла тёмно-бордовая спираль.

Мать коротко взглянула на неё, поспешно села и начала накладывать себе варенье. Дуня поняла, что вчерашний день стал очередным воспоминанием. В этой квартире утро не было мудренее вечера, оно было поводом забыть любой вечер с проблемой, любой возникший при жёлтом свете ламп вопрос, чтобы утром сделать вид, будто ничего и не было. А жизнь будет продолжаться, невысказанные слова и обиды будут прятаться по углам, в сгибах одеял, пока однажды все комнаты не заполнятся до краев и не взорвутся от этой тишины.

Мать не устраивала скандалы, она просто игнорировала их. Ведь если ты не будешь говорить о проблеме, то, возможно, однажды она исчезнет сама.

– Папа кое-что придумал, – сказала мать после продолжительной паузы.

Дуня выдохнула. Внутри что-то стремительно закипало, мешая дышать.

– Всё будет хорошо, – сказала мать.

Этих слов недостаточно, подумала Дуня. «Всё будет хорошо» – это не обещание. Это как передвинуть шкаф, чтобы скрыть пятно на обоях. Так не работает.

Мать будто чувствовала, как постепенно поднимается внутри Дуни огромная волна раздражения, поэтому замолчала. Будто знала, что ещё слово-два – и всё выплеснется прямо на неё.

Но всё же мать не удержалась и неловко коснулась руки дочери, выдавив призрак улыбки. Дуня ошарашенно взглянула на неё. Геша перестал возить ложку туда-сюда и начал есть. Он не смотрел ни на мать, ни на сестру, игнорируя вновь вспыхнувшее молчаливое недовольство. Для него никого не существовало на кухне. Отчего-то это раздражало больше, чем неумелое детское вмешательство. Лучше скажи что-нибудь, прерви эту немую сцену, чем совсем не замечай её. Раздели этот момент с нами, чтобы мы не утонули в этой странной смеси злости, раздражения и вины.

Но Геша не вмешивался.

Мать спешно доела свой завтрак, стараясь не замечать редких колких взглядов дочери. Быстро встала со своего привычного места – отсюда удобно вскакивать, чтобы что-то принести, унести, убрать. Всегда сидела вполоборота, чтобы не совершать лишних разворотов, всегда с готовностью как можно быстрее выйти из-за стола. Низкая, худая, с жидкими волосами, неаккуратно собранными в хвост, в замызганном фартуке и с кругами под глазами. Дуня разглядывала её иногда и спрашивала себя, почему некоторые вещи не исчезают, даже если переодеться, накраситься и сделать красивую причёску.

В какой-то момент её мама из улыбчивой и тихой, но тёплой и доброй женщины превратилась в кого-то уставшего и вечно виноватого перед кем угодно. Она извинялась всем своим видом за что-то

неизвестное, всегда старалась вести себя тише, чтобы только её не заметили. Будто от прежнего домашнего и родного образа осталась тень – невзрачная и ожидающая подвоха на каждом углу.

Это общее ощущение затравленности витало в воздухе рядом с ней. Не спасали ни лёгкий макияж, ни другая одежда или причёска. Просто на всех школьных мероприятиях Дуня представляла, что мать видят именно такой, и ей становилось стыдно, неловко и горько.

И самое смешное – обидней всего было то, что мать сама её боялась. Ведь Дуня – сплошной подвох, острый угол, абсолютно другой склад характера, какой-то взрывной холерик в самой непостоянной фазе развития. А значит – опасность.

Так и жили. Дуня злилась, а мать – боялась и извинялась.

За Дуню.

За Гешу.

За себя.

Дуня отчаянно скучала по тем временам, когда они проводили больше времени рядом, не боялись близости, не стеснялись друг друга. Сейчас это происходило так редко – когда обе будто стряхивали накопившиеся обиды и противоречия и вновь могли гулять по магазинам, готовить по бабушкиным рецептам и говорить о чём угодно.

Но всё это растворялось, становилось далёким воспоминанием уже на следующий день.

А после появлялась какая-то жгучая злость. И на мать, и на то, что в сознании есть два образа: тот, что ходит по квартире, – и что-то неуловимое, «прежняя мама». Вечная раздвоенность. Вечером – рулет по старому рецепту бабушки, а утром тишина за завтраком и ожидание подвоха. Будто кто-то провёл черту «до» и «после», разделил чёткой границей безмятежность и время холодной войны и молчаливых сражений.

И если об этом не говорить, то этого будто бы и нет. Но оно было, зудело под кожей, наполняло злостью капля за каплей.

Вот оно «до» – на кухне, когда маленькая Дуня стояла на табуретке, помогая мешать тесто.

Вот оно «после», когда Дуня сидела на этой табуретке, никакого больше теста, только остывшая манка, капли варенья на старом столе и приглушённый звук телевизора.

И мамы тоже две: одна улыбается, а вторая поспешно встаёт из-за стола, чтобы не встречаться взглядом с дочерью.

Капля за каплей.

– Можно, мы пойдём в лес?

Мать обернулась, Геша наконец взглянул на сестру. А Дуня пыталась понять, как можно слышать свой голос со стороны. Слова вырвались будто сами собой, без её желания. Огромный пузырь злости и раздражения лопнул, оставив после себя один страх.

– Туда, где сосиски? – Геша взглянул на Дуню. – Туда?

Он внезапно оживился, оставив окончательно попытки доесть кашу. Мать, наоборот, замерла, будто не могла решить, что же ответить. На её лице Дуня видела какое-то сомнение, неясный страх, который тревожил, но не имел чётких очертаний. Впервые так захотелось услышать тихое твёрдое «нет». То самое «нет», из-за которого Дуня могла не на шутку вспылить, но много позже осознать, что это намного правильней «да».

Скажи, пожалуйста, нет.

– В лес – это где мы жарили сосиски? – не унимался Геша. – И бабочки? Семейства диких бабочек?

– Нет, – опять сказала Дуня, не чувствуя свой собственный голос. – Чуть подальше, но рядом с дорогой. Там очень красиво, тебе понравится.

Дуня ощущала себя той самой глупой игрушкой – нажмёшь на живот, и будет звук. Кто-то сейчас невидимой рукой нажимал – а она говорила всё это. Даже не она, что-то внутри, говорящее её голосом, заставляющее улыбаться и врать о чём-то неясном.

Кто засунул в неё этот механизм и как его отключить?

Мать вздохнула, машинально вытерла сухие руки о фартук и кивнула.

– Хорошо, – сказала она. – Только вернитесь до обеда. К вечеру обещали дождь.

– Лес! – Геша спрыгнул со своего места и стал изображать походку энтов – вальяжно и нерасторопно шагал сквозь кухню и потом по коридору. – Мы идём в лес!

Он смешно растягивал слова, отчего мать на пару секунд залюбовалась им и вновь стала похожа на прежнюю себя.

Она согласилась, ответила злосчастное «да». Слишком короткое слово, невозможно застрять в середине слога, недоговорить, споткнуться. Дуня ощущала, как внутри опять что-то закипает, – поставили счётчик до нового взрыва.

Геша неумело рылся в большом шкафу на своей полке, пытаясь найти нужную ему футболку. Он бормотал что-то про динозавров. Дуня надеялась, что нужная футболка – в стирке или хотя бы мала. И все её вещи тоже в стирке, порваны или малы.

Только нужная футболка упала на пол, а Дунины вещи, как назло, были в идеальном состоянии.

В полутьме коридора она понадеялась, что сейчас-то мать точно передумает. Чувствовалась её тревога, непонятные опасения и страхи, которые она не озвучивала. Но Дуня их понимала и надеялась, что сейчас будет тот миг, когда они поймут друг друга по взгляду. Мать покачает головой, виновато прикусив губу, а Дуня пообещает расстроенному Геше почитать «Гарри Поттера». И никто не выйдет за порог, не спустится по ступеням и не откроет тяжёлую подъездную дверь.

Все останутся дома.

В безопасности.

Только мать молчала, Геша обувался, а Дуня не могла найти себе места от отчаяния.

– Удачи, – сказала мать, целуя сына в макушку и обнимая дочь. – До обеда.

– Пока-пока! – сказал Геша, смешно взмахивая рукой. – Не бультыхайся зазря!

Когда достаёшь в кепке маленьких рыбок из воды – они неистово извиваются, *бультыхаются*. И не будет им спокойствия, пока вновь не опустишь их в воду, туда, где спокойно.

Мать – бультыхалась. Ей не хватало воды, но она делала вид, что всё хорошо. Кажется, ради Геши.

А Дуня просто задыхалась, не в силах повернуть ключ и открыть дверь.

Сквозь серо-молочные облака изредка проглядывали голубые куски неба и даже солнечные июньские лучи. Но дворы всё равно были непривычно пустыми. Куда делись все этим мамы с колясками, мелкой ребятнёй, бабушки и подростки, снующие туда-сюда без дела на каникулах? Будто все в этот день не совладали с необъяснимой тревогой и поэтому не вышли проветриться. Остались дома, за закрытыми дверями, ощущая безопасность в четырёх стенах.

Дуня надеялась, что Геша это заметит, задумается и не захочет никуда идти. Но он будто не замечал, что в этом тёплом приятном дне есть что-то фальшивое и опасное.

– Там будет Леший? – интересовался Геша. – Лес большой, там ведь должен быть Леший.

– Он есть, но прячется от любопытных глаз, – на автомате отвечала Дуня, действуя будто по заданной программе.

– А ведьмы? Мы найдём настоящих ведьм?

– И они, и другие лесные жители. Только они боятся нас, людей, их надо убедить, что мы только с добрыми намерениями.

Геша зачарованно шёл по протоптанной сквозь небольшую полянку дорожке.

– А мы с добрыми на-ме-ре-ни-я-ми? – спросил он, перешагивая большой камень в земле.

– С другими лес нас и не пропустит.

Пожалуйста, замолчи, прекрати говорить, это не твои слова. Совсем не твои слова.

– Тогда всё хорошо, – сказал Геша остановившись. – Тогда мы пройдём.

Он взял Дуню за руку, потому что вот-вот они должны были подойти к дороге. Шум машин уже был слышен. Дуня надеялась, что поток фур, грузовиков и легковушек отпугнёт Гешу скоростью и громкостью. Ей так хотелось, чтоб у дороги он замер и попросил вернуться домой. Плевать на Лешего, ведьм и прочих. Только бы подальше от этого леса.

Но он радостно раскачивался на ногах, перенося вес то на пятку, то на носок, и с интересом наблюдал за быстрым движением. Они ждали момент, когда поток схлынет и можно будет быстро перебежать дорогу. Дуня хотела, чтобы такой момент не наступил.

Но движение спустя минуту стало спокойней. Они перебежали дорогу, держась за руки, и остановились у самой кромки леса. Оба застыли, не решаясь сделать ещё один шаг.

Дуня хотела развернуться и убежать прочь, только бы не заходить в тень деревьев, не идти по тропинке куда-то вглубь, не слышать шелеста ветра. Или, быть может, чьих-то голосов.

Геша стоял в ожидании, вглядываясь вдаль, предвкушая небольшое приключение, где главными помощниками будут хорошее воображение и тени деревьев.

Сзади с оглушительным свистом промчалась очередная фура, отчего порыв ветра показался ещё сильнее. Дуня, чтобы устоять на ногах, машинально сделала шаг вперёд, а за ней ступил и Геша.

Убегай, пожалуйста, убегай.

– Нас чуть не сдуло! Ты нас спасла, Дуня! – воскликнул Геша.

Он радостно взглянул на сестру. Дуня же вдруг почувствовала себя вновь пустой, будто внутри остались скупой список автоматических действий и прописанный сценарий с определённым репликами. Только иди, поворачивай, кивай, подчиняйся.

– Пойдём, пойдём, пойдём! – Геша в возбуждении тянулся к лесу.

А Дуня, как назло, знала дорогу.

Они сошли с тропинки налево, а Дуне казалось, что дорога отпечаталась в голове. Она знала каждый цветок, каждую ягодку, каждую травинку. Слышала каждый треск, каждый стук клюва дятла где-то правее и выше. Знала каждый листочек и каждую иголочку. Она шла и чувствовала этот путь внутри себя, потому что не чувствовала больше ничего.

Ни себя, ни тёплой ладони брата, который послушно шёл сзади, не отставая ни на шаг. Дуня отвечала что-то невпопад каким-то незнакомым для себя голосом, а Геша, словно в дурмане, следовал за ней, не чувствуя ни страха, ни подвоха.

Дуню слегка мутило, а все цвета будто стали ярче. Глаза от этого болели, а живот скручивало. Воздух казался тяжёлым и душным, и каждый вдох давался силой.

Она чувствовала, как исчезает, растворяется в неприятном ощущении головокружения и тошноты, но главное – в жгучем чувстве в груди. Это было похоже на рану, которую неаккуратно задели, поэтому она вновь вскрылась и кровоточила. Заново, с новой силой, не давая ни минуты покоя.

Внутри что-то болело и горело, вызывало злость, заставляя забыть всё на свете. Это чувство было сильнее Дуни, и оно побеждало. А Дуня тонула в собственном страхе и боли.

Перед тёмной рощей всё затихло. Опять не осталось ничего. Дуня чувствовала себя выжатой и уставшей. Будто она сделала всё что надо. Осталось совсем чуть-чуть. Она смотрела на чарующую полутьму впереди, но не могла заставить себя сделать решающий шаг.

Геша отпустил её руку. Тепло от его ладони начало стремительно исчезать. Брат зачарованно

смотрел на стоящие близко деревья, пытался пальцами прикинуть самое большое и самое маленькое расстояние между ними, вглядывался в полумрак, который царил дальше, и не мог устоять на месте от нетерпения.

– Мы пойдём туда?

Дуня почувствовала, как внутри что-то ломается.

Нет, мы пойдём домой, и никогда больше не придём сюда, ни под каким предлогом, ни за что на свете.

– Да.

– Пойдём! Пойдём! Пойдём!

Дуня хотела взять его за руку, но он побежал вперёд. Ей стало не по себе. Она пошла быстрым шагом, стараясь успеть. Взглядом следила за светло-зелёной футболочкой, пытаясь не потерять её из виду за чёрными стволами деревьев.

Только сейчас она поняла, что чудом вчера не потерялась. Как она вышла?

Кто её вывел?

А кто – завёл их сюда?

– Я думаю, Леший там! – зелёная футболочка вынырнула вдалеке, указывая куда-то вправо.

– Да, – сказала Дуня, ощущая себя безвольной игрушкой. – Поищи в той стороне, а я в этой. Так больше шансов!

Геша замер. На секунду Дуне показалось, что он всё понимает. Ещё одно такое мгновение – и она бросится к нему, уведёт отсюда домой, где есть начатый «Гарри Поттер», печенье, и никакого надоедливого шелеста листьев в голове.

Но всё растворилось в душном застывшем воздухе. Геша развернулся, смешно взмахнул рукой и громко сказал:

– Тогда я туда!

– А я – туда.

Геша с полной уверенностью побежал в указанную сторону, а Дуня вдруг поняла, как же тихо вокруг. Настолько тихо, что в ушах неприятно звенело. С каждой секундой всё громче и громче.

Она смотрела в сторону, куда убежал Геша, и её уверенность таяла с каждой секундой. Точно туда? В ту сторону? Или в эту? Может быть, правее?

Господи, да куда же он пошёл?

Геша никогда не кричал, не звал на помощь, не спрашивал дорогу. Сидел на месте и ждал, когда его найдут. Однажды так и сказал, что лишняя беготня и паника мешают, надо лишь спокойно ждать.

Вот и сейчас он будет ждать где-то в этом непроходимом лесу. Будет сидеть на трухлявом старом дереве, пускать муравьев на руки, изучать паутинку толстого лесного паука, гладить папоротник. Пока тишина и полумрак этой странной рощи окончательно не сожрут его.

Дуня подалась вперёд, неловко шагая. Неожиданно под ногами появились корни, о которые она постоянно спотыкалась, а ветки с иголками лезли в лицо и били по щекам. Она то и дело убирала с лица и волос паутину, стряхивала паука, натыкалась на камни, незаметные в траве.

Почему-то идти дальше в лес было так трудно.

Дуня думала о своей комнате. Раньше там было просторно и светло, ей нравилось представлять, что однажды случится ремонт и станет ещё лучше. Старый массивный стол наконец-то заменят новым и удобным, как раз для школы. Вместо комода появится красивый шкаф с зеркалом и ездящими туда-сюда дверками, как иногда она видела в рекламе. И вместо старых, выцветших жалюзи появятся красивые шторы, пропускающие приятный солнечный свет по утрам.

Вместо ремонта появился Геша. Массивный стол переставили к окну, перекрыв доступ к подоконнику, рядом поставили огромный шкаф, чтобы туда вмещались вещи обоих детей. Жалюзи так и остались на месте, разрезая свет от ночных машинных фар на угрожающие полоски, проходившие по потолку.

Вместо красивой просторной комнаты появилась узкая, в которой поселился ещё один человек. Сначала опосредованно, вроде бы не претендуя на эту территорию, но потом наверняка – купили кровать.

Ночью они могли протягивать руки друг другу с самых краёв своих кроватей. Они переплетали пальцы в ночной темноте, и Дуня с радостью пересказывала сюжеты своих любимых мультфильмов, которые Геша ещё не видел. А даже если и видел, то его восторг всё равно был невероятным. Он слушал, не давая себе заснуть, впитывал каждую деталь и жил в этом мире из слов сестры несколько дней, находя в реальности что-то схожее.

Они расцепляли руки, когда совсем уставали, но не всегда переставали говорить.

В маленькой комнате их было двое. И там было тесно.

Дуня помнила, как однажды в истерике и со слезами на глазах пришла раньше с уроков, долго шепталась с матерью о разрывающемся от боли животе, а потом захотела спрятаться в уютном мирке, проклиная себя за само существование. Но в комнате был Геша. Нельзя было ни уединиться, ни поплакать, ни объяснить совсем маленькому брату своей трагедии. Нельзя было от него и спрятаться.

Иногда хотелось побыть одной, иногда хотелось простора и чистоты, иногда хотелось какой-то свободы.

Но был Геша. Сидел, спал, лежал, читал, рисовал. Был Геша.

Он занял место во всех уголках квартиры. Здесь он сидит в комнате, а там, на кухне и по телефону – предмет разговора. Он был везде.

А Дуне не хватало места, воздуха под одеялом и облегчения после молчаливого плача.

Дуне хотелось свою комнату. Целиком и полностью. Только лишь её.

Она остановилась, не понимая, сколько прошла и в каком направлении двигалась. Дуня только сейчас заметила, что глотает слёзы. Горло раздирало от боли, а внутри что-то ломалось.

Ей иногда так хотелось свою собственную комнату.

И у неё, кажется, будет комната.

Неожиданно пустая комната.

От этого она разрыдалась ещё сильнее.

– Возьмите меня, – прошептала Дуня, сползая по стволу около дерева.

Локоть обожгло жёсткой корой. В ноги впились иголки от сосен и мелкие камни.

– Возьмите, – прошептала Дуня.

И слёзы с новой силой вырвались наружу вместе с криком. Потом воздух кончился, и ей пришлось судорожно вдыхать.

– Возьмите меня, – повторила она исступлённо, кое-как контролируя голос и соединяя буквы в слова.

Она опустилась и сжалась, впилась ногтями в землю и начала просто бить кулаками. Ей хотелось кричать, но не хватало ни воздуха, ни сил. Ей хотелось бить что-то, она сжимала кулаки, чтоб ногти впивались в ладони. А потом обхватывала голову так сильно, что становилось больно. Руки как будто потеряли контроль, тело раскачивалось в истерике, кора впивалась в плечо и расцарапывала кожу, пальцы хватались за волосы.

Дуня чувствовала, как внутри что-то взрывается и умирает.

Всё в ней заполнилось до краёв, до ощущения, что ещё хоть что-нибудь – и она перестанет существовать, лопнет со смешным звуком, как шарик, в этом пустом лесу.

– Вместо него, – шептала Дуня. – Возьмите меня.

И где-то на языке осталось последнее, на что не хватило сил совсем: «Он мой единственный брат».

Они спали однажды вместе в обнимку, и Геша прижимался так, словно был замёрзшим после дождя щенком. Зарывался в плечо, подгибал ноги и прятался от всего света под одеялом сестры, будто это было самым безопасным местом в мире. На самом деле, думала тогда Дуня, перерыв в семь лет – это задержка в раю. Просто она опять не подумала, и её ноги унесли вниз сразу, а Геша осторожно готовился к этому прыжку. И пока готовился – прошло семь лет. Но они вместе, они что-то единое, неразлучное, сплетённое чем-то неведомым и непонятным.

Если в комнате не будет второй кровати, то к кому же тянуть руку? И разве есть что-то важнее цепких пальцев, которые обхватывают твою ладонь в темноте?

Он – её единственный брат. Не такой, ни на кого не похожий, странный, несуразный, смешной, добрый, мудрый, прекрасный. Единственный. Здесь и сейчас. И навсегда.

Дуня сглотнула, пытаясь вдохнуть, и поняла, что не может. Она попыталась зацепиться за дерево, встать, но без вдоха её била мелкая дрожь. Ужас сковал её, не давал нормально выпрямиться, сдвинуться, сделать хоть что-нибудь. В груди заболело, и постепенно будто исчезали пальцы и ноги. Дуня видела руку перед собой, но не могла ни пошевелить, ни сжать её. Мир будто переставал существовать и стремительно темнел.

Прошла пара мгновений, прежде чем она поняла, что рука вовсе не её. Слишком маленькая и с вечно немного согнутым мизинчиком. Дуня пыталась усилием воли сжать кулак, чтобы убедиться окончательно – рука и вправду не её.

– Ты поранилась, – сказал голос.

По телу медленно начало разливаться тепло, застывшие напряжённые мышцы постепенно расслаблялись, и приходило осознание боли. Царапины на плече, ранки на коленке от мелких камней и корешков, неприятные ощущения на ладонях от ногтей.

Живительный вдох. Рука со смешным мизинчиком схватила её руку.

Тепло.

– Ты упала?

Дуня снова вдохнула, чувствуя себя собой, цельной, живой. Горло болело от каждого сглатывания слюны, а шея и ворот футболки промокли от слёз. Вся спина вспотела, и теперь от этого липкого неприятного чувства было прохладно.

– Я всё испортила, – прошептала она упавшим голосом, не в силах поднять лицо на брата.

Геша сам опустился на коленки и неловким движением подался вперёд, обнимая сестру за шею. От него пахло детским забавным шампунем. Дуня помнила, как он в магазине вцепился в девчачий тюбик и не отпускал, пока мать не сдалась и не купила. Ему хотелось такой, а если что-то вот так взбрело в его голову – не вытравишь, не вынешь, не изгонишь. Легче принять, согласиться, смириться с этим решением. Так просто надо.

– Я нашёл ведьму! – сказал Геша прямо на ухо.

Да, я прямо перед тобой.

– Она стояла передо мной, у неё были страшные когтистые руки и много-много пальцев, – продолжал мальчик. – Она была выше, хотела меня съесть и косточки не оставить.

Да, и косточки не оставить.

– Но потом ты пришла и напугала её, – в голосе почувствовалась улыбка. – И ведьма стала деревом, очень старым. На такие нельзя наступать.

Трухлявое дерево, прогнившая душа.

– Я никого не спасала, – прошептала Дуня, глотая слёзы. – Я была здесь, я привела тебя к ведьме.

Геша отстранился, прижался своим лбом к её, покачал головой. Маленькой ручкой он утирал её слёзы – и в этот момент казался таким взрослым и невероятно мудрым.

– Нет, ты спасла меня. Ведьма застыла от твоего взгляда, – сказал брат.

А потом обернулся и указал куда-то в сторону. Дуне понадобилось некоторое время, чтоб различить в тенях старое, поваленное когда-то давным-давно грозой дерево. Его ветки издалека казались нечётким силуэтом в стиле гротескных иллюстраций. У Дуни была книжка с чем-то таким, кажется.

– Она увидела, что ты со мной, и стала старым деревом, – сказал Геша. – Я проверил.

– Это всего лишь дерево, – всхлипнула Дуня. – А я привела тебя к нему и напугала.

Она представила, как Геша мог заиграться, споткнуться и упасть на землю, удариться о трухлявый ствол, пораниться о старые раскидистые ветви. Ей стало страшно, она сжалась, а Геша потянул её за руку.

– Никаких ведьм больше нет, – сказал он. – Ты всех смогла прогнать!

Он улыбнулся.

– Никаких ведьм! – он крепко сжал ладонь сестры и потянул ещё сильнее.

В конце концов Дуня встала и отряхнулась. Красные коленки, испачканные шорты, промокшая футболка и лицо в слезах. Она улыбнулась, представив, как выглядит.

– Никаких ведьм, – повторила она и неожиданно ощутила приятную усталость.

Геша потянул её за собой, определяя безошибочно путь домой. Дуня почему-то это знала и послушно шла за братом, держа его за руку. Тёплая маленькая ручка. И постепенно это чувство передавалось ей, не давая озябнуть.

– Нет ведьм, нет ведьм, нет ведьм, – повторял Геша, пробуя подставить разные известные ему мотивы.

И с каждым разом что-то внутри Дуни крепло, обретало силу и заживало. Никаких ведьм – только испачканная одежда и осипший голос.

Никаких ведьм – только ясность в голове.

Никаких ведьм – привычные лесные звуки, мирные и приятные.

Дуня шла за братом и думала: куда делись ощущение страха и чувство, что она не контролирует себя, не отвечает за свои слова и не может остановиться. Оно будто растворилось в тот миг, когда пришёл Геша.

Ветер в лесу был приятным и тёплым, он играл ся с листвой, и казалось, он что-то шепчет. Но Дуня не хотела вслушиваться. Его слова бессмысленны. Да и кто поверит какому-то бестелесному и невесомому ветру?

– Нет ведьм, – повторял Геша. – Но есть пряники.

Дуня засмеялась.

– Какие пряники?

– Мама обещала купить пряники, – заметил Геша. – Твои любимые, мягкие, шоколадные. Чтобы ты не грустила. Она всегда покупает нам пряники.

Дуня улыбнулась.

– Пряники спасают от ведьм!

Послышался шум дороги. Машин будто стало меньше, отчего полегчало. Но как только они вышли из тени леса – Геша остановился, словно забыл нужное направление.

– Я не знаю, куда дальше, – признался он без тени смущения.

– Я проведу, – сказала Дуня.

Они крепко сжали руки друг друга, перебегая дорогу. За двумя полосами умеренно-быстрого движения лес казался таким далёким.

– Никаких ведьм, – прошептал Геша не оглядываясь.

Никаких ведьм, только шоколадные пряники и ссадины на коленках.

Никаких ведьм, только приятный июньский ветер, щекотавший щёки.

Никаких ведьм, только тесная комнатка и близко стоящие кровати, с краёв которых можно ночью протягивать друг другу руки.